

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

ВДОВА
НА ОДИН ДЕНЬ

Полковник Гуров

Николай Леонов

Вдова на один день

«ЭКСМО»

2012

Леонов Н. И.

Вдова на один день / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2012 — (Полковник Гуров)

В подмосковном пруду одно за другим находят тела троих мужчин. Есть подозрение, что все они – жертвы преступлений. Полковникам Льву Гурову и Станиславу Крячко становится известно, что утопленники при жизни никак не были связаны между собой. Однако есть то, что их объединяет: в легких погибших обнаружены ионы серебра, которые отсутствуют в химическом составе воды пруда... Дальнейшее расследование приводит сыщиков в местное казино, но тут события становятся и вовсе непредсказуемыми, и, сами того не ожидая, сыщики попадают в западню...

© Леонов Н. И., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава первая	9
Глава вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Николай Леонов, Алексей Макеев

Вдова на один день

Пролог

Лариса Золотарева с утра чувствовала, что должно случиться что-то неприятное. Ощущала это почти физически, ей даже было как-то плоховато: знобило, подташнивало, кружилась голова... Лариса пыталась успокоиться, взять себя в руки, списывая общее недомогание на весенний авитаминоз, хотя в душе прекрасно понимала, что не он тому причиной.

После обеда лучше ей не стало, наоборот, казалось, что тошнота усиливается, а напряжение нарастает. Лариса даже взяла градусник и смерила температуру. Небольшое повышение, ничего страшного. Но почему же так беспокойно? Откуда это тревожное состояние?

Лариса присела за кухонным столом с сигаретой и задумалась. В принципе, плохое настроение преследует ее уже давно, и тому есть объективные причины. В жизни ее царил разлад, причем сразу во всех сферах. В профессиональном плане все складывалось совсем не так, как она рассчитывала, и последние сбережения уже подходили к концу... Неизвестно даже, чем платить за квартиру, а хозяйка не станет входить в ее положение, и слушать ничего не станет, выселит в два счета. И куда идти? К кому обращаться? К Маринке? Нет уж! Ни за что! Она и так у нее, как кость поперек горла! Да еще Серый масла в огонь подлил, наломал дров, сам, поди, не знает, как из всего выпутываться!

Вспомнив о Маринке, Лариса помрачнела еще больше. Мысли о племяннице в последнее время все чаще приходили ей в голову, хотя еще год назад она произносила ее имя с благодарностью и надеждой. Тогда ситуация выглядела по-другому. Лариса как раз осталась сразу и без работы, и без матери, которую давняя тяжелая болячка все-таки подкосила. Других родственников в городе у нее не было, и Ларисе приходилось туго. Бизнес ее, казалось, наладившийся, развалился, и Лариса совсем затосковала. Единственной родной душой оставалась племянница Маринка, с которой Лариса частенько переэзванивалась – племянница жила в Москве, куда переехала два года назад. И довольно благополучно там устроилась.

С теткой у нее сложились дружеские отношения. Этому способствовала небольшая разница в возрасте: Лариса была старше своей племянницы всего на восемь лет. Это было дистанцией в общении в детстве и юности, когда такой разрыв заметен и бросается в глаза. Потом, после тридцати, все сравнялось. Маринке тридцать четыре, Ларисе сорок два – вполне нормально и даже близко. Отношения были теплыми, взаимопонимающими. Казалось даже, что они подруги. И когда Лариса в очередной раз пожаловалась племяннице на свою безрадостную жизнь, Марина предложила той приехать в столицу.

Лариса думала недолго. В самом деле, в родном захолустье ее ничего не держало, а с ее способностями, как она сама считала, устроиться в столице будет куда проще. И, наскоро собравшись и продав квартирку, Лариса рванула покорять Москву. Поначалу ей казалось, что все получится, все пойдет так, как она планировала, и даже лучше. Но на практике все выглядело не столь радужно.

Во-первых, денег от проданной в глухой провинции квартиры никак не могло хватить на покупку собственного жилья не только в Москве, но и в ее окрестностях. Во-вторых, оказалось, что таких красавиц, как Лариса, в Москве немереное количество и на этом рынке царит невероятная конкуренция. Все места давно заняты, ее «коллеги» готовы глотку перегрызть новой «сопернице», ничуть не стесняясь строить самые изощренные каверзы, чтобы не дать той проявить себя. Лариса попробовала этому противостоять – только хуже стало. А деньги, приве-

зенные с собой, при столичных расценках стремительно утекали. Хорошо еще, что Маринка приютила у себя, хотя бы на первое время, и не нужно было тратиться на съемное жилье.

Одно радовало – Лариса познакомилась с Серым. Симпатичный, сильный, уверенный в себе, он казался ей воплощением настоящего мужчины. Она даже поверила, что и после сорока может быть женское счастье, которого так отчаянно жаждут одинокие женщины и буквально впиваются, вгрызаются в мало-мальски подходящую для его обеспечения кандидатуру. Серый, в сущности, обеспечивать счастье Ларисы не спешил, во всяком случае в том виде, в котором она его желала. Ему была важна свобода, и расставаться с ней он категорически не собирался, это даже опьяненная страстью Лариса понимала. Но не требовала невозможного. С возрастом аппетита она поумерила, уже не слишком идеализировала как своего избранника, так и собственную личную жизнь. В принципе, можно было и так – без свадебного кортежа, венчания в церкви, красивого платья и кольца на пальце. Все это Лариса уже прошла в юности, и след от события остался совсем не благоухающим... Словом, пусть как угодно, лишь бы рядом с ним.

Да вот незадача – неожиданной преградой стала Маринка! Серый, поначалу приходивший в гости к Ларисе – естественно, в Маринкину квартиру, – положил глаз на племянницу своей любовницы. Лариса почувствовала это сразу, такие вещи не скроются от глаз влюбленной женщины. С горечью понимала, что ничего удивительного: Маринка и моложе – вот она, разница в возрасте, где сказала! – и успешнее, и, чего там греха таить, красивее.

Ах, Маринка, во всем она превосходила Ларису, во всем была на шаг впереди! И с бизнесом у нее получилось, и жилье собственное имела, и того и гляди Серого у нее уведет! Последнее и вовсе заставляло Ларису трястись мелкой дрожью, смотреть на племянницу, ставшую соперницей, чуть ли не с ненавистью.

Лариса закусила губу и взглянула в окно. Снег еще не сошел, ручьи несли талую воду лишь с обочин дорог и тротуаров, а во дворах он еще лежал нетронутым. Только потемнел, набух и потерял ту белоснежную привлекательность, которая так красила его зимой.

Скоро наступит настоящая весна, а в душе у Ларисы царит темная, непроглядная осень. И всему виной – Маринка. Ах, как было бы хорошо, если бы ее не было! Вот просто взяла бы и исчезла куда-нибудь! Тогда и у Ларисы все наладится. Сперва с Серым, а потом со всем остальным.

Лариса нахмурилась, недовольная собой. Ну о чем она думает? Разве можно так? Все-таки это Маринка, родная кровь, нельзя же так. Но в глубине души отчетливо ощущала, что если бы племянницы вдруг не стало, она бы не сильно расстроилась.

Со временем она немного успокоилась, поняв, что Серый не собирается от нее уходить. Он очень удобно устроился, навещая и Ларису, и Маринку по очереди. К этому времени они уже не жили вместе, Ларисе пришлось снять квартиру. Но она была убеждена, что Серый периодически таскается к ее племяннице. Сцен ревности она не устраивала – боялась, что Серый бросит ее совсем. Неожиданно с этой стороны проявила себя Маринка, которая всегда была довольно сдержанной. Вот что одиночество с бабами делает!

Лариса не знала подробностей их отношений с Серым, но была уверена: Маринка считает, что Серый порвал с ней все отношения. А когда узнавала – следила, что ли? – что тот был у Ларисы, устраивала скандал. Однажды даже приехала к Ларисе для крупного разговора, требовала прекратить встречаться с «ее мужчиной». И даже прощения просила, что так вышло, но тут же добавляла, что раз уж так случилось, то Ларисе лучше отойти в сторону и не мешать чужому счастью. Но тут уж Лариса нашла, что ей ответить, напомнив о Маринкиной деятельности. Добавила, что и сама кое-что может в этой области, причем то, что самой Маринке не под силу. Это несколько поубавило пыл племянницы, и она на некоторое время утихла. Но Лариса знала – это ненадолго. И Маринка снова начнет требовать от Серого лебединой верности. Остается надеяться, что ему самому надоеет такое поведение. Лариса знала, что он тер-

петь не мог, когда его вяжут по рукам и ногам какими-то обязательствами, которые он и не думал давать.

Вот и сегодня Лариса с утра чувствовала, что Серый поедет к Маринке. И сейчас наверняка у нее. Поэтому ей так плохо. Но и не только. Какое-то предчувствие, противное, царапающее изнутри, не давало ей покоя.

Лариса посмотрела на часы. Уже вечерело, скоро станет совсем темно. День хоть и начал прибавляться, но еще не набрал полную силу. Неужели Серый уже не появится сегодня? Наверное, придется опять скучно коротать вечер у телевизора, смотря подряд все мало-мальски интересные ток-шоу и зарубежные мелодрамы, любуясь чужой красивой жизнью...

Послышался звук поворачиваемого в замке ключа, и Лариса невольно вскочила. Ключ был только у Серого, она сама дала ему его, и тот знал, что может прийти сюда в любое время. Правда, помогать оплачивать эту квартиру не предлагал. А деньги уже нужно где-то брать... Что же делать?

Отгнав суетные мысли, так некстати возникшие в голове, Лариса торопливо прошла в прихожую встречать Серого. И по выражению его лица сразу поняла, что что-то действительно произошло. Что-то серьезное, страшное и... непоправимое. Шагнула навстречу, на губах застыл вопрос, хотела обнять...

Серый резко отстранил ее, быстро разулся – на ботинках были налипшие комья грязи, – прошел в кухню, рванул на себя дверцу холодильника. На нижней полке стояла едва начатая бутылка водки. Не спрашивая, достал ее, налил себе чуть ли не полный стакан и молча залпом выпил. Тяжело выдохнул, уткнул нос в рукав куртки и тяжело присел на стул. Сидел с минуту, глядя словно в никуда. Лариса не решалась ни о чем спрашивать, стояла тихонько в дверях, ждала неизвестно чего.

Наконец Серый поднял голову, посмотрел на нее мутным взглядом и произнес:

– Можешь праздновать победу. Маринки больше не будет.

У Ларисы расширились глаза. Чего-то подобного, связанного именно с Маринкой, она и ожидала, едва увидела Серого в дверях. Думала о том, что сама только что, несколько минут назад, мечтала о подобном варианте, но... Но она не хотела этого! Нет, нет, это не всерьез! И Серый совсем не то имеет в виду, она просто вообразила себе неизвестно что, накрученная собственными фантазиями! Но почему тогда так дрожат его руки? Почему такой странный, непонятный взгляд, какого она никогда не видела у него раньше? Почему он, небольшой любитель спиртного, сегодня пришел с резким запахом алкоголя?

Лариса порывисто подошла к столу, остановилась резко от взгляда Серого, спросила с дрожью в голосе:

– Постой... Ты же не хочешь сказать, что...

– Именно это я и хочу сказать. Ее нет и больше не будет. И все! И не закатывай еще ты мне истерик! Как вы меня достали обе, надо было бросить обеих к чертовой матери!...

...Спустя полтора часа Лариса расхаживала взад-вперед по узкой комнате, вскидывала руки и качала головой, пытаясь прийти в себя.

– Это невозможно! Это конец! Ты представляешь, что ты наделал?

– Она сама меня довела! – мрачно отвечал Серый.

– Нет, ты хотя бы понимаешь, что ты наделал? Понимаешь?

Лариса подскочила к нему, сидевшему на диване, нагнулась, заглядывая в лицо. Тот отстранился неприязненно.

– Ты понимаешь, что ты и меня в это впутываешь? Что со мной будет? Что будет с нами? Ведь это не может так остаться!

– Замолчи! – резко произнес он и ухмыльнулся какой-то хищной усмешкой, которой раньше Лариса у него не видела. – Все будет путем. Никто ничего не узнает, я уже обо всем позаботился.

– Но как, как это может быть? – всплеснула руками Лариса и схватилась за голову.

– Хватит причитать! – прикрикнул он. – Лучше послушай, что я придумал. Есть у меня идея – гениальная! Она, кстати, решает разом и мои проблемы, и твои.

И Серый рассказал Ларисе свой план. Та выслушала, округлила глаза, запротестовала:

– Это невозможно! Нереально! У тебя ничего не получится!

– Получится! И не у меня, а у нас. Тебе тоже придется сыграть свою роль. На тебя, собственно, ставку и делаю. Никто, кроме тебя, не подойдет, я уж думал...

Он вдруг осекся. Но Лариса слушала внимательно и не могла не обратить внимания на последнюю фразу.

– То есть ты меня используешь просто как какой-то материал? – проговорила она.

Серый слегка смутился, но быстро взял себя в руки, обрел привычную уверенность.

– Не придирайся к словам, – уже мягче произнес он. – И вообще не заморачивайся всякой ерундой. Думай о себе. Ты только представь, как все удачно получится.

И он нарисовал ей будущую картину. В пересказе Серого все и впрямь выглядело очень просто и даже заманчиво.

– К тому же это все ненадолго, – продолжал он убеждать Ларису. – Каких-нибудь три-четыре месяца, пока никто не чухнул, – и все! И уедем с тобой вместе подальше отсюда. Я, честно говоря, по горло сыт этой столицей. А заработанных денег хватит, чтобы осесть где-нибудь в тихом месте и жить себе спокойно. И все! Все концы в воду, понимаешь? Никто не догадается! Главное, быстро все провернуть. И тебе свою роль сыграть так, чтоб комар носа не подточил! А ты справишься, я в тебя верю. Да и встряхнуться тебе не помешает, а то закисла совсем. А ведь ты еще молодая, красивая... Да и талантливая! Ты что, забыла, на что способна? Только надо правильно этим распорядиться, грамотно.

Серый заговорил ласково, убедительно, он уже не отстранялся от Ларисы, притягивал ее к себе. И та поддавалась, размякала, таяла от его слов...

В самом деле, не так уже все и сложно. К тому же ничего особо криминального, если вдуматься, в этом нет. Особенно в ее роли. В конце концов, все можно списать на розыгрыш.

– Маринку все равно уже не вернешь, – подытожил Серый. – Пускай ее имя хоть нам послужит. На благо.

«На благо, на благо!» – застучало в висках у Ларисы.

Именно эти слова она потом повторяла изо дня в день, когда реализация плана уже началась, и довольно успешно. Ларисе даже понравилось. И в самом деле, ничего сложного. С ее-то способностями, о которых она в последнее время стала забывать. В общем, Лариса была даже благодарна и судьбе, и Серому за то, что все сложилось именно так. Про Маринку она старалась не вспоминать.

Глава первая

Тихим июньским утром у генерал-лейтенанта Орлова на душе было под стать погоде: спокойно, мирно и солнечно. Собственно, в тот день он был вовсе не генерал-лейтенантом, а просто Петром Николаевичем Орловым, человеком предпенсионного возраста, который в свой законный выходной решил выбраться за город. Причем выбраться не так, как обычно, – на дачу, с сумками, тележками и женой и внуками в придачу, – а в одиночестве, с легонькой плетеной корзинкой в руках и небольшим полиэтиленовым пакетом, в котором лежали бутерброды и термос с чаем. Корзинку Петр Николаевич прихватил, поскольку собирался пройтись с ней по небольшому лесочку. Излюбленным местом для таких прогулок для Орлова был поселок Хорошаево.

Прошлую неделю лили дожди, потом наступило тепло, близкое к жаре, и местные любители потянулись в леса и посадки в надежде побаловаться первыми грибочками. Не отстал от них и Петр Николаевич. Любил он не спеша побродить с корзинкой. Пожалуй, даже сам процесс собирания грибов нравился ему куда больше, чем их последующее приготовление и поедание.

В такие минуты он забывал о мирской суете, полностью погружался в тихую, немного таинственную атмосферу леса, вдыхал аромат листьев, ягод и травы, прислушивался к загадочным лесным звукам, так непохожим на городские! Нравилось ему отгадывать, что это такое застрекотало вдруг где-то слева – кузнечик ли, другое какое насекомое или маленькая зверушка... Гадать, что за пташка зачирикала на дереве, а следом присоединились к ней и вторая, третья, и вот уже целый птичий хор поет на разные лады, перекликается, словно легонько тербит уши... Орлов не очень-то хорошо разбирался в лесной живности, но природу любил – как животных, так и растения. Относился бережно: грибы срезал аккуратно острым ножичком, веток не ломал, птиц не пугал, а уж о том, чтобы разбрасывать мусор, и говорить нечего. Петр Николаевич лес уважал. Он даже представлялся ему каким-то строгим, почтенным старцем, который зорко наблюдает за каждым, кто решил посетить его владения. Если человек с добром пришел – наградит, если со злыми намерениями – накажет, да так, что на всю жизнь запомнит.

Орлову невольно вспомнились истории, которые он слышал еще от своего деда, всю жизнь прожившего в сельской местности. Дед отлично знал все окрестные леса, относился к ним с почтением и рассказывал о том, что происходило с людьми, которые приходили в лес с потребительской целью. Орлов тогда слушал эти рассказы хоть и с интересом, но воспринимал их как сказки. Теперь, по прошествии многих десятков лет, он понимал, что дед был прав в главном: обижать лес нельзя, относиться к нему нужно как к человеку.

В своих воспоминаниях Петр Николаевич не забывал о грибах. Завидев бугорок под листвою, осторожно ворошил, смотрел, не спрятались ли там крепкий удалец груздь. Осматривал пни в поисках тонконогих опенков, находил под елями гладеньких, глянцевого маслята. Шел не торопясь, иногда присаживался отдохнуть, глотнуть чаю из темно-бордового, в клетку термоса. Чай заваривал обычный, купленный в ближайшем супермаркете, из тех, что привык пить дома каждый день. Но почему-то здесь, в лесу, даже его вкус казался каким-то особенным.

Уходили в небытие заботы, хлопоты, ежедневные проблемы... Казалось далеким и нереальным Главное управление внутренних дел, которое Орлов возглавлял уже много лет. Не было ни убийц, ни бандитов, ни террористов, были только тишина и покой, кажущиеся первозданными в своей благодати.

Орлов сидел, слушал тишину, стараясь ни о чем не думать, и был абсолютно счастлив. Потом посмотрел на часы, поднялся... Что ж, всему свое время, пора и честь знать.

Корзинка была полна наполовину, но его это не расстраивало. Не ради урожая ходил он в лес, а вот за такими крупными счастьем и умиротворением. Петр Николаевич двинулся дальше.

Лес постепенно редел, и вот-вот Орлов должен был выйти к небольшому пруду. Лесная тропинка безошибочно вела прямо к нему, заблудиться здесь было практически невозможно. Еще издали Орлов услышал звуки, резко контрастирующие с лесными: визг, писк, радостные возгласы, шумный плеск воды. Он уже примерно представлял себе картину, которая должна была открыться ему по выходе из леса.

И точно: выходя из-за последнего дерева на песчаный пляжик, Орлов увидел на нем расстеленные подстилки, на которых расположились разные компании. Молодые и не очень, с детьми или без – многие в этот день отправились за город. Что ж, не все любители «тихой охоты», большинство поклонники активного отдыха. Дети, пользуясь тем, что вторая декада июня оказалась жаркой и успела прогреть воду в пруду, всю плескались, копошились у берега, затаскивая в воду надувные матрасы, круги, утят и рыбок с отверстием посередине. Их мамы томно расположились на полотенцах и покрывалах, подставляя густо намазанные кремом для загара тела солнцу. Отцы просто лежали, уткнувшись носом в подстилку, кто-то читал газету, кое-кто возился возле машин, набрав в ведро прудовой воды и протирая свои автомобили. Все, как всегда в этом месте в теплое время.

Орлов выбрал свободное местечко, присел прямо на песок, поставил рядом корзинку с грибами, прикрытую кухонным полотенцем, блаженно прикрыв глаза и ощущая приятную истому, разлившуюся по телу. Загорать ему не хотелось, а вот искупаться он был не против, даже плавки специально надел под легкие спортивные брюки. Сейчас он куда больше походил на пенсионера-дачника, чем на грозного главу управления внутренних дел. Собственно говоря, особо грозным Орлов никогда и не был. Твердым – да, мог проявить себя, но не твердолобым и не деспотичным. Некоторые даже обвиняли Орлова в излишней, как им казалось, мягкотелости, говорили, что генерал-лейтенант имеет своих любимчиков, которым не умеет отказывать, и те, пользуясь давней дружбой, выют из Орлова веревки.

Подобные разговоры, конечно же, доходили до ушей Петра Николаевича. Под «любимчиками», естественно, подразумевались два его старинных друга, два полковника и опера-важняка, два лучших сыщика управления – Лев Гуров и Станислав Крячко. Орлов действительно выделял их среди остальных, но не потому, что их связывала многолетняя дружба. Гуров и Крячко были опытными операми, профессионалами своего дела, которым Орлов мог поручить самые сложные, самые запутанные, самые срочные дела.

Пусть у каждого из них были свои недостатки – у кого их нет, ведь все люди и сотканы из человеческих качеств, далеко не всегда приятных. Но Орлов знал их как честных офицеров, преданных своей работе и любящих ее, как людей неподкупных, верных и надежных. И еще он был уверен – таких осталось немного. Гуров и Крячко являлись, по сути, реликтами своей эпохи, которая уже ушла. Но именно профессиональные качества и любовь к сыску помогли им удачно вписаться в новое время, не потеряться, не опуститься и не предать ни своих коллег, ни свою профессию.

И Орлов дорожил этими людьми, уважал и по-отечески любил, хотя далеко не всегда ему удавалось сохранять спокойствие в общении с ними. Оба острые на язык, оба самолюбивые и привыкшие к свободе выбора, Гуров и Крячко порой доставляли генерал-лейтенанту неприятные минуты. Но он обычно не принимал это близко к сердцу, как и не обращал внимания на выпады злопыхателей, всегда помогал своим сыщикам чем мог не только в профессиональной сфере, но и в личной, в трудные минуты прикрывал и спасал от гнева вышестоящих структур, вызывая огонь на себя. Пусть порой они ссорились между собой – ссоры эти не носили глобального масштаба, не были вызваны принципиальными разногласиями во взглядах и не длились долго. Примирение обычно происходило словно само собой, без высокопарных слов и нудных разбирательств, кто прав, кто виноват. На этих людей Орлов всегда мог положиться, и они были для него очень значимы.

– Эй, дедуль, много грибов набрал? – Орлов, погруженный в свои размышления, очнулся от веселого мужского голоса.

Приоткрыл глаза, зажмурившись от задорно бьющего прямо в них солнца, приподнял голову. Перед ним стоял мужчина средних лет, в шортах и футболке, с живыми, смеющимися карими глазами. У мужчины было круглое и добродушное лицо, каштановые усы, на голове красовалась белая панама. У его ног крутилась маленькая белая собачонка неизвестной породы. Орлов хотел было обидеться на «дедулю», проворчать что-нибудь, но парень смотрел настолько дружелюбно и бесхитростно, что Петр Николаевич невольно отогнул край полотенца, демонстрируя набранное богатство.

– На супец хватит! – одобрительно прокомментировал мужчина, подсаживаясь рядом. – На жареху маловато! С картошкой разве что...

– С яйцами можно, – вставил свое предложение Орлов. – Тоже вкусно.

– Э-э-э, нет! – с видом знатока категорично заявил новоявленный собеседник. – Это ерунда! Гриб – он сам по себе хорош. Грибы нужно жарить отдельно, без ничего! И не добавлять никакого лука, ни других приправ. Только соль! А то некоторые напихают туда чеснок, лавровый лист, еще какую-то ерунду – грибной дух только портят. Его перебить, конечно, сложно, но все равно не то. С картошкой еще можно пожарить, – продолжал он. – Но все-таки лучше одни грибы.

– Одни грибы для желудка вредно, – невольно включился в беседу Орлов. – Тяжелая пища.

– Это если их каждый день употреблять. А гриб – гость редкий, желанный. Его общество строго дозировано. Пожарил масляток, поел и – забудь! Недели на две как минимум. Вот тогда от грибов будет только польза, а не вред!

– А вы, я вижу, знаток в грибном деле, – проговорил Орлов.

– Только в гастрономическом плане, – засмеялся мужчина. – А ходить по лесу с корзиной – это не по моей части.

– Тем не менее одеты вы по-лесному, – заметил Орлов, окидывая мужчину внимательным взглядом. – Но собрались не по грибы. И вообще, с раннего утра по лесу бродите.

– Вот как? – мужчина удивленно вскинул брови. – Это вы откуда же про меня всю подноготную знаете?

– Да все просто очень, – засмеявшись, махнул рукой генерал-лейтенант. – Гораздо проще, чем вы думаете. На ногах у вас матерчатые кеды, и они снизу мокрые, хотя в лесу сухо. Значит, вы ходили в них еще по росе. Да и у собачки лапки грязные. В руках у вас не корзина, не ведро, даже не пакет, а какой-то плоский чемоданчик. Может быть, для каких-нибудь чертежей он и удобен, но по грибы с ним точно не пойдешь.

– Верно! – воскликнул мужчина, с удивлением разглядывая свой чемоданчик, словно видел его впервые. – И правда, просто! Здорово! А я уж подумал, что вы ясновидящий какой-нибудь! Экстрасенс! А то и лесной колдун!

– Ну что вы! – смутился Орлов. – Я вообще в эту чушь не верю.

– Я тоже, – признался мужчина. – Хотя сейчас их на каждом шагу развелось! И все потомственные! Маги, колдуны, ведуньи, вещуньи в десятом поколении! М-да... А вы, наверное, бывший милиционер?

– Почему бывший? – все-таки обиделся Орлов.

– Что, до сих пор служите? Участковым небось?

Орлов нахмурился и полез в карман рубашки. Документы он привык носить с собой, так уже повелось еще с младых лет службы, когда принято было у всех подозрительных личностей спрашивать документ, удостоверяющий личность. Собственно, собеседник не требовал у него никаких удостоверений личности. Он вообще не требовал никаких официальных подтверждений со стороны Орлова – просто вел полусветскую беседу. И Петру Николаевичу легко

можно было отделаться отрицательным «нет», либо какой-нибудь наспех придуманной невинной ложью. Однако Орлов был задет. Сперва тем, что собеседник принял его за пенсионера, а теперь еще и тем, что был столь стремительно понижен в должности. Он ничего не имел против участковых, наоборот, к хорошим, коих было не так уж много, относился с глубоким уважением, но сейчас чувствовал себя уязвленным.

Молча достал служебное удостоверение, молча раскрыл и показал словоохотливому незнакомцу. Тот прочел, брови его прямо-таки взметнулись вверх от изумления. Тем не менее он быстро овладел собой и произнес уже совсем иным тоном:

– Ну надо же...

– А вы, наверное, местный фермер? – скрывая удовлетворение, спросил в свою очередь Орлов, убирая удостоверение.

Теперь настал черед обижаться незнакомцу. Однако он тут же улыбнулся и ответил:

– Что ж, я даже польщен! Видимо, мой дачный наряд помог мне коренным образом преобразиться! Здорово! Но вообще-то я художник. Моя фамилия Черниговский, зовут Валерий Дмитриевич.

Орлов посмотрел на собеседника с нескрываемым интересом.

– Черниговский? Тот самый? – спросил он.

– Ну, смотря что вы имеете в виду...

– Не скромничайте, Валерий Дмитриевич! Кто же не знает знаменитого столичного художника Черниговского?

– Даже вы слышали? – Было заметно, что Черниговскому приятно.

– Почему даже? Хотя в чем-то вы правы. Врать не стану, живописью я не очень увлекаюсь, но кое-какие ваши работы видел...

В прошлом году Орлову действительно довелось побывать на выставке работ художника Черниговского. Произошло это, можно сказать, случайно. Как раз по управлению разнесся слух, что, дескать, скоро приедет комиссия проверять культурный уровень нынешних оперов, а также узнать, какие мероприятия проводятся в целях его обновления и повышения. Откуда взялся этот слух и сколько в нем было процентов истины, до сих пор неизвестно. Однако Орлов, переживший разные времена и наживший житейскую мудрость, был готов к любым идеям начальства. Поэтому он позвал своих старших офицеров, поделился новостью и поставил вопрос на обсуждение.

Офицеры, понимая, что в случае, если это не байка, отвечать за всю низкую культуру отдела будет лично Орлов, проявили сознательность и предложили несколько вариантов – от похода в консерваторию до лекции на астрономическую тему. Однако Орлов выбрал вариант, предложенный Станиславом Крячко.

В лицей, где учился его сын, как раз приходили агенты с билетами на выставку живописи, и учителя в добровольно-принудительном порядке заставили учеников их приобрести. Естественно, шестнадцатилетним оболтусам все выставки были по барабану, и Крячко решил прийти на помощь: выкупить билеты за полцены и пойти на выставку с коллегами. И отделу экономия, и школьникам радость. Да и учителям спокойно, потому что им главное билеты реализовать, а уж пойдут их воспитанники за культурой или нет – дело десятое. Таким образом, благодаря Станиславу самые, на взгляд Орлова, нуждающиеся в образовательной подпитке опера отправились на выставку. Возглавлял экскурсию лично генерал-лейтенант.

Большинство картин ему не очень понравились, он вообще мало что в них понял. Постмодернистских тенденций он явно не в силах был оценить. Но Орлов вообще был консерватором и традиционалистом, посему списал свое отношение на то, что отстал от жизни. От оперов же потребовал высоких оценок и развернутых ответов на случай, если пресловутая комиссия все-таки додумается нагрянуть с проверкой. С комиссией, слава богу, не сложилось, а мероприятие было зачислено в актив всему управлению.

Однако кое-какие работы художника Черниговского – самого известного из представленных на выставке авторов – ему понравились. По крайней мере, было хотя бы ясно, что на них изображено. Черниговский отдавал предпочтение пейзажам. Люди на его картинах тоже присутствовали, но на заднем плане. И сейчас Орлов был горд, что может запросто перечислить несколько названий картин Черниговского.

– Например, ваш «Ванильный вечер» – вполне хорошо нарисован, – небрежно произнес Орлов и тут же понял, что попал впросак.

Черниговский сразу же выпрямился и расправил плечи.

– Дорогой Петр Николаевич! – с достоинством произнес он. – Картины не рисуют – картины пишут!

– Прошу прощения, – смутился Орлов. – Хотел сделать комплимент...

– Считайте, что сделали, – легко простил генерал-лейтенанта Валерий Дмитриевич и поинтересовался: – А у вас что же, дача здесь?

– Нет, просто отдохнуть приехал. Выходной, – пояснил Орлов. – А вас, признаться, не ожидал здесь встретить. Скорее бы уж на светской тусовке, на которые, кстати, я не хожу.

– Я стараюсь тоже! – подхватил Черниговский и тут же со вздохом добавил: – Но положение обязывает, черт бы его драл! А по мне, так провались все эти тусовки, я больше люблю уединение. Да и работается так гораздо лучше. Вот и сбегая периодически из столицы на пленэр. Здесь есть одна замечательная женщина-пенсионерка, я у нее снимаю дачу уже третий год подряд. Так, не афишируя своего имени, удается хоть иногда побыть в одиночестве и покое. Нет, я общаюсь, конечно, с местным населением, но просто как дачник Валерий Дмитриевич, свободный художник, от скуки болтающийся по округе с этюдником. Одна только Рада, – он указал на собачку, – мой постоянный спутник. Скрашивает мое уединение. Я ее с собой из Москвы вожу. Жена еще маленьким щенком притащила, так она со мной и осталась. Хоть и дворовой породы, но друг отличный. Да, Рада? – весело крикнул он.

Собачка, словно поняв, о чем говорит ее хозяин, гавкнула в подтверждение и потерлась о ноги Черниговского.

– То есть вы здесь, скажем так, инкогнито? – хитро прищурился Орлов.

– Ну, специальных конспиративных мер не принимаю, но можно и так сказать, – ответил Черниговский и заговорщицки подмигнул Орлову. – Но, я надеюсь, вы меня не выдадите?

– Заметано! – столь же шутливо подмигнул ему в ответ генерал-лейтенант и перевел тему: – Искупаться не желаете? Водичка, должно быть, самое то!

Черниговский посмотрел на него долгим взглядом, показавшимся Орлову странным. Потом перевел его на пруд, помолчал и ответил словно нехотя:

– Что-то не тянет.

– А я вот, пожалуй, пойду окунусь, – решил Орлов. – Обсохну да и домой потихоньку двигаться стану. Через час электричка, вот я на нее и отправлюсь.

Он принялся стаскивать с себя рубаху, а взгляд художника был обращен куда-то в сторону. Собачка Рада, поняв намерения Орлова, закрутилась вокруг своего хозяина, заглядывая ему в глаза и словно прося разрешения тоже заняться водными процедурами. Однако хозяин смотрел отнюдь не на нее, а на подъехавшую машину.

– А это еще что за компания? – негромко произнес он.

Орлов замер с поднятыми руками, сняв рубашку до половины. Повернулся к кустам, на которые показывал Черниговский. Там остановился большой черный автомобиль марки «Тойота», из которого стали выходить люди, одетые явно не по-пляжному. Центром компании была довольно молодая женщина, бледная и расстроенная. На ней было надето платье с коротким рукавом, хоть и не слишком нарядное, но все же не очень подходящее для загородной прогулки. Видно было, что платье фирменное и дорогое. Крашенные в рыжеватый оттенок волосы тщательно уложены.

Тонкие пальцы в перстнях, на шее золотое кольцо. Несмотря на довольно яркий макияж женщины, Орлов заметил, что глаза у нее заплаканные.

Рядом, поддерживая ее под руку, стояла еще одна женщина – высокая, с копной жгуче-черных волос, облаченная в какой-то длинный балахон с кистями. Она что-то шептала спутнице на ухо, похлопывая ее по руке. Та внимательно слушала, торопливо кивала и, кажется, бледнела на глазах.

Брюнетка оставила ее, отошла в сторону и что-то сказала двум плечистым мужчинам. Те принялись снимать одежду, оставшись в одних плавках. Еще один мужчина стал облачаться в водолазный костюм с аквалангом.

– Мы готовы, – прозвучал голос одного из мужчин.

Брюнетка стала неторопливо спускаться к воде. Остановилась, в задумчивости прошлась по берегу. Орлов заметил, что некоторые отдыхающие с любопытством наблюдают за новопривывшими. Ему и самому было интересно, что эти люди собрались здесь делать, да еще снаряженные аквалангом. На любителей дайвинга вся процессия никак не походила.

Брюнетка продолжала ходить чуть поодаль, метрах в пятнадцати от основного места купания. Там берег не был таким чистым, и вообще было куда глубже, это Орлову было известно: он не первый год приезжал сюда и успел узнать от местных жителей, что там практически никто не купается. И теперешний визит странной компании вызывал у него еще большее любопытство, хотя вообще-то генерал-лейтенант не страдал этим пороком.

– Идите за мной, – произнесла тем временем брюнетка глухим, низким голосом.

Мужчины переглянулись, и все трое стали спускаться к воде. Подошла и женщина, с волнением вглядываясь в водную гладь. Брюнетка вдруг закрыла глаза, зашевелила губами, откинула голову назад. Не глядя вытащила из-за пояса черный шелковистый платочек и принялась водить им над водой. Рыжая женщина нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, чуть ли не подпрыгивала на месте.

Наконец брюнетка глубоко вздохнула, открыла глаза и бросила платочек в воду. Он остался на поверхности, не успевшие намочить края его затрепетали от легкого дуновения ветерка, словно траурные ленточки. Орлову невольно стало жутковато от этой картины. Брюнетка вдруг развернулась и сделала несколько шагов назад.

– Здесь! – бросила она на ходу.

Рыжая женщина часто заморгала и растерянно посмотрела на своих спутников. Те словно не решались двинуться с места. Наконец аквалангист молча пошел вперед. Двое оставшихся в молчании наблюдали за ним. Аквалангист зашел в воду, сделал несколько шагов и нырнул. Женщина судорожно вцепилась в руку одного из мужчин в плавках. Взгляд ее не отрывался от поверхности воды, от того места, где скрылся аквалангист.

Его не было минуты три, не больше. Наконец он появился, дошел до берега, снял маску и что-то негромко сказал мужчинам. Те переглянулись и пошли к воде. Брюнетка по-прежнему стояла в стороне, выражение ее лица было сумрачным. Мужчины вместе с аквалангистом погрузились в воду. Спустя несколько секунд они показались на поверхности. Было видно, что плыть им тяжело.

К этому моменту уже некоторые из отдыхающих, видимо, особо любознательные, подошли ближе к месту, где разыгрывалось основное действие, и стали в сторонке, тихонько вставляя свои комментарии. Рыжеватая женщина, поглощенная процессом наблюдения за своими спутниками, кажется, даже не заметила этого. Брюнетка же бросила на собравшихся неодобрительный взгляд. Хотела было что-то сказать, но передумала, лишь снова подошла к рыженькой.

Через некоторое время мужчины выбрались на берег, таща за собой нечто длинное. Они положили это прямо на песке и молча стали рядом. Толпа ахнула и расступилась. Собачка Рада завертелась на месте и отчаянно залаяла. Орлов невольно вскочил на ноги. На ходу поправляя

рубашку, он поспешил к месту действия. Подойдя почти вплотную, генерал-лейтенант убедился, что не ошибся: на песке лежало тело мужчины...

Ахнула, заголосила было рыжая женщина, вначале кинувшись к телу, а потом остановившись в замешательстве и прикрывая рукой рот, из которого так и рвался крик. Один из мужчин крепко взял ее за руку, пытаясь увести, но женщина вырывалась, хотя броситься к трупу так и не решалась. Видимо, ее отпугивал внешний вид того, кто, по всей видимости, был для нее очень близким человеком.

Вид у тела был, конечно, впечатляющий. Орлов, повидавший на своем веку достаточно трупов, ставших таковыми по разным причинам, сразу же определил, что тело пролежало в воде несколько суток. Оно разбухло, отекло, на нем появились трупные пятна.

– Видишь, моя дорогая, я же тебе говорила, – послышался тихий голос, и Орлов увидел, как яркая брюнетка осторожно взяла чужую женщину под руку и пытается ее успокоить. – Постарайся принять это как есть, ты же была готова к такому финалу...

– Да, да... – как в полусне, шептала та, широко расширившимися глазами глядя на то, во что превратился знакомый ей человек. – Но это ужасно, ужасно...

– Смерть всегда ужасна, – согласно кивнула брюнетка. – Но тут уже ничего не поделаешь. Пожалея себя, не терзайся. Мертвым лежать в земле, а живым жить. В конце концов, смерть – это лишь переход из одного состояния в другое. Когда-нибудь нас всех ждет то же самое.

Брюнетка явно хотела успокоить женщину, но та содрогнулась от ее слов и быстро пошла к машине. Взяв с панели пачку сигарет, она неловко прикурила, трясущимися руками пытаясь поднести зажигалку, и несколько раз длинно, глубоко затянулась. В глазах ее было смятение. Брюнетка подошла к ней, продолжая что-то говорить.

Толпа зевак стояла в ошеломлении. Вдруг послышался робкий голос:

– «Скорую» нужно вызвать...

И хотя представить, что «Скорая» может помочь в данной ситуации, мог либо слепой, либо глубочайший оптимист, эта наивная реплика всколыхнула, оживила людей, вывела из оцепенения.

– Да-да, врача нужно, – подтвердил кто-то.

– Смерть же нужно констатировать...

– И милицию! – добавил кто-то.

– Не надо милицию! – вдруг вскинулась рыжая женщина.

Она отшвырнула в траву недокурную сигарету и быстрыми шагами двинулась к берегу.

– Никакой милиции! – твердо повторила она, и Орлов явственно различил в ее голосе властные нотки, которые не были заметны, пока женщина находилась в удрученном состоянии.

Теперь, после того как было обнаружено и вытащено тело, она, видимо, вспомнила о том, что в обыденной жизни привыкла к тому, чтобы ее желания являлись приоритетными.

– Но как же... – вякнул кто-то в толпе. – В таких случаях всегда милиция нужна.

– В каких таких? – обратила на него свой взгляд брюнетка. – Вы можете описать, что здесь произошло?

– Ну... – смутился собеседник. – Человек же утонул!

– Вот именно, утонул! – многозначительно произнесла брюнетка, подняв вверх указательный палец с перстнем, украшенным каким-то огромным прозрачным камнем, и повернулась к рыжей: – Тебе нужно поскорее предать его земле, дорогая. Он и так долго пролежал неприкаянным. Душа его должна упокоиться. Пойдем, остальное уже по части мужчин...

И, обняв за плечи обмякшую спутницу, повела ее к машине. Аквалангист снял свой костюм и принялся его упаковывать, поглядывая на мужчин в плавках. Один из них двинулся к машине, достал бумажник, отсчитал несколько купюр и протянул их тому. Аквалангист убрал деньги и спросил:

– Ну что, я больше не нужен?

Мужчина отрицательно покачал головой.

– Тогда я поеду своим ходом, – сообщил тот. – Не хочется здесь задерживаться. Сейчас и впрямь милиция понаедет, всем же не объяснишь... А мне лишние проблемы не нужны.

И он направился к тропинке, ведущей к магистрали. Рыжая женщина стрельнула глазами по сторонам, подошла к мужчине, расплатившемуся с аквалангистом, и что-то тихонько ему сказала. Тот нахмурился и покачал головой. Женщина с нажимом повторила свою просьбу, потом недовольно притопнула ножкой в туфельке на шпильке и надула губы, приготовившись расплакаться.

– Третий, – как-то обреченно прозвучало над ухом у Орлова.

Генерал-лейтенант вскинул голову. Позади него стоял неслышно подошедший художник Черниговский, о котором Петр Николаевич в создавшейся обстановке успел позабыть. Он снял свою панаму и что-то еле слышно прошептал.

– Что вы сказали? – обратился к нему Орлов.

– Да говорю, третий труп уже в этом пруду за июнь, – проговорил Валерий Дмитриевич. – Неделю назад выловили одного такого же бедолагу. Сезон только начался, а уже столько утопленников! И вроде место здесь неглубокое, а словно какое-то... заколдованное!

Орлов задумчиво посмотрел на него, но ничего не ответил. Тем временем по берегу прошагал мужчина лет тридцати пяти, одетый в футболку и джинсы. Завидев его, толпа расступилась. Мужчина хмуро взглянул на труп, потом перевел его на собравшихся и спросил:

– Личность опознали?

Все обратили свои взгляды на компанию людей, приехавших на «Тойоте», а те, в свою очередь, посмотрели на рыжую женщину. Она нервно сглотнула слюну и кивнула. Потом проговорила:

– Это мой муж... Он пропал пять дней назад. Я все думала, что с ним, а он... Утонул.

Последнее слово она произнесла совсем тихо. Потом, словно опомнившись, обратилась к мужчине:

– А вы, собственно, кто?

– Да я участковый, старший лейтенант Немченко, – проговорил тот, почесывая затылок. Участковый Немченко явно не был рад обнаруженному трупу в пруду на вверенной ему территории. Словно в унисон его невеселым мыслям прозвучал старческий голос:

– Вот, Сережа, какой сюрпризец-то тебе в воскресенье привалил, а?

Вперед выбрался старичок, про которого можно было сказать «метр с кепкой». Эта самая кепка налицествовала на седенькой голове. Из-под нее торчал остренький любопытный нос, но выцветшие бледно-голубые глаза смотрели шустро.

– Да уж, – пробурчал участковый. – Что ж, будем составлять протокол. Свидетелей прошу не расходиться.

Свидетели живо начали рассасываться кто куда, то тут, то там слышался шум отъезжающих автомобилей. Участковый оглядел существенно поредевшую толпу и усмехнулся. Малочисленная «толпа» в основном состояла из местных жителей, от приезжих не осталось и следа. Точнее, следы остались, но лишь в виде брошенных на месте отдыха пустых бутылок, сигаретных пачек, оберток от конфет и чипсов.

– Я предупреждал, что в этом месте нужно щит повесить, мол, купаться запрещено! – снова влез старичок в кепке.

– Да погоди ты, Семеныч, не до тебя сейчас и не до твоих замечательных идей! – поморщился участковый, глядя на тропинку. – С какой стати запрещать-то?

По тропинке подходил высокий пожилой мужчина. Приблизившись, он пожал участковому руку и покосился на тело.

– Добрый день, Василий Павлович, – приветствовал его Немченко. – Вы уже в курсе?

– Да мне вот сообщили, что тут дело по моей части... – несколько обескураженно развел руками мужчина. – Не понимаю только, какое это ко мне имеет отношение. Вызывайте «Скорую», пусть зафиксируют смерть.

– А кто вас вызвал? – удивленно спросил Немченко.

– Я вызвал, – гордо заявил старичок Семеныч. – Точнее, внук мой Андрюшка. Я, как утопленника увидал, говорю ему – беги скорее за Василием Павловичем.

– Юрий Семенович! – повысив голос, обратился к нему Василий Павлович. – Я вообще-то врач-терапевт, а не патологоанатом! И работаю совершенно в другом ведомстве!

– Так какая разница, что за ведомство, в покойниках-то разбираешься? – не отставал от него Семеныч.

Врач Василий Павлович лишь закатил глаза. Участковый вздохнул и обратился к рыженькой женщине:

– Личность покойного назвать можете?

Женщина подергала губой, потом проговорила:

– Варгузов Анатолий Николаевич.

– Кем он работал?

– Врачом-кардиологом в клинике «Элит».

Орлов слышал это название. Клиника «Элит» была известной и считалась престижной.

– А вас как зовут?

– Елена Алексеевна.

Немченко записал данные в блокнот и продолжил:

– Вы говорите, он исчез пять дней назад?

– Да, – подтвердила женщина, делая над собой усилие, чтобы не заплакать. Потом взяла себя в руки и быстро заговорила, невзирая на подступающие к горлу слезы: – Послушайте, мне сейчас невероятно тяжело. Я не в состоянии отвечать ни на какие вопросы. Единственное, чего я хочу, – это поскорее увезти своего... мужа отсюда. Это раньше я надеялась, надеялась до последнего, что он жив! А теперь... Какое теперь имеет значение, сколько дней назад он исчез? Вы не переживали этих дней!

И, выплеснув эмоции, она, уже не сдерживаясь, разрыдалась. Один из мужчин, уже надевших брюки, приобнял женщину за плечи и молча стоял рядом с ней.

– Вам все-таки придется дожидаться приезда «Скорой», – покосившись на них, сказал участковый. – Врачи констатируют смерть, оформят все как полагается, после чего вы можете ехать домой. Задерживать вас я не собираюсь.

– Но я хотела бы уехать прямо сейчас! – подняла заплаканное лицо Елена Алексеевна.

Немченко лишь развел руками.

– Пойдемте, Петр Николаевич! – тихо произнес позади Орлова художник Черниговский, сжимая генерал-лейтенанта за локоть. – Это не наше дело.

Первым порывом Орлова было остаться. Однако, поразмыслив, он понял, что Черниговский прав. С какой стати он будет здесь задерживаться и вмешиваться в дело, которое не имело к нему отношения? Даже как руководитель главка он не мог этого делать, потому что никакого криминала в деле обнаружено не было. Купался человек и утонул. Наверняка принял перед этим граммов двести. Обычное дело, таких случаев каждый год сколько угодно, только и успевают водолазы доставать тела незадачливых пловцов. Правда, несколько рановато в этом году, ну так и июнь выдался теплее обычного!

А Черниговский продолжал тянуть Орлова за собой. Петр Николаевич взглянул на часы. До его электрички оставалось меньше получаса, а это означало, что ему нужно поспешить, чтобы успеть на нее. Поколебавшись, Орлов двинулся за художником. Тот вместе с Радой проводил генерал-лейтенанта до середины леса и на прощание обменялся с ним номерами теле-

фонов – в знак взаимной симпатии. Попрощавшись, Орлов зашагал на станцию уже в одиночестве. Художник приветливо помахал ему рукой и с безавшей впереди Радой пошел назад...

* * *

В понедельник генерал-лейтенант Орлов сидел в своем кабинете, в тишине и одиночестве, и потягивал только что сваренный кофе, приготовленный ему секретаршей Верочкой. Петр Николаевич чувствовал себя в собственном кабинете словно не в своей тарелке, хотя вроде бы тому не было никаких внешних причин.

В Главке царил период относительного затишья, когда не было горы серьезных дел, нависшей над головами оперов. Сотрудники занимались в основном писаниной и латанием «дыр» – подчищали документы для передачи материалов в суд, чтобы прокуратуре не к чему было придаться, просматривали старые дела, зависшие с давних времен, вспоминали о происшествиях, считавшихся «мелочевкой»: драках, пожарах и прочем. В общем, ничего сверхъестественного, и даже планерка сегодня прошла в ускоренном и упрощенном режиме, потому что все и так было ясно и оперативники не нуждались в дополнительном инструктаже начальства.

И все-таки Орлову было не по себе. Обычно после выходных, да еще проведенных за городом, Петр Николаевич чувствовал себя свежим и обновленным. Сейчас же его ничто не радовало. Более того, он ощущал какую-то смутную тревогу.

Орлов встал, оставив чашку с недопитым кофе, подошел к окну и раскрыл его. На улице царил обычный столичный шум. Шли люди, спешили автомобили, в небе отпечаталась ровная белая полоска – след от реактивного самолета, недавно пролетевшего над столицей. Орлов невольно подумал, что еще каких-то двадцать лет назад такие полоски появлялись постоянно, потому что самолетов летало гораздо больше, чем сейчас. Парадокс! Технический прогресс шагает семимильными шагами, а самолетов летает гораздо меньше!

Орлов вернулся за стол, покосился на стопку папок с делами, сданными ему оперативниками для проверки. Раскрыл одно из них, пролистал... С удивлением констатировал, что в голове не осталось ничего из прочитанного. Он даже не смог вспомнить, о чем было дело, результат которого он только что прочел. Нет, так не пойдет!

Орлов решительно потянулся к телефонной трубке. Набрал номер и произнес:

– Дежурный? Принеси-ка мне сводку за воскресенье. Всю неси, и криминальную, и несчастные случаи. Да, срочно!

Положив трубку, Орлов постучал пальцами по крышке стола. Зачем он сам себя обманывает, ведь отлично понимает, чем вызван его внутренний дискомфорт! Вчерашним утопленником, выловленным в хорошаевском пруду.

Казалось бы, Орлову не должно было быть никакого дела до этого трупа. Но еще там, на пруду, когда вокруг заговорили о несчастном случае, он ощутил, что внутри словно начала свербеть заноза. Орлов прослужил на оперативной работе не один десяток лет. И при каждом трагическом случае в голове его, порой помимо воли, начинала вырисовываться схема, как это могло произойти – будь то несчастный случай, убийство или самоубийство. Это было уже словно впитано им за годы службы, выработано подспудно, словно выжжено несводимым клеймом.

Орлов еще вчера подсознательно отметил несколько несоответствий. Человек полез купаться и утонул, но где тогда его одежда? Хорошо, допустим, ее просто забрали какие-нибудь бродяги, увидев, как она, бесхозная, валяется на берегу. Но почему на ее отсутствие не обратил внимания никто из близких? Почему человека не могли найти целых пять дней, если знали, что он поехал купаться? Что за странные ритуалы проводила над водой неизвестная женщина? И почему в спокойном, неглубоком пруду появляется уже третий утопленник?

– Почему? – воскликнул Орлов вслух.

– Что – почему? – оторопело спросил вошедший в кабинет дежурный.

Петр Николаевич слегка смутился.

– Почему без стука, говорю,ходишь? – строго спросил он. – Совсем расслабились?
– Виноват, товарищ генерал-лейтенант! – тут же вытянулся дежурный.

– Сводку принес? – хмуро спросил Орлов.

– Так точно, вот, пожалуйста! – и дежурный положил Орлову на стол листок с распечаткой.

– Ладно, иди! – махнул рукой Орлов.

Дежурный быстро исчез за дверью. Орлов нацепил очки: с недавних пор зрение стало подводить, и пришлось воспользоваться рекомендацией врача-офтальмолога, который уже давно настоятельно советовал ему приобрести очки.

Упоминание о происшествии, так взволновавшем его, Орлов нашел не сразу. В длинной череде убийств, аварий и ограблений оно смотрелось совсем неприметно и занимало всего несколько строчек. Тем не менее генерал-лейтенант несколько раз пробежал по ним глазами, после чего, посидев в задумчивости пару минут, снова потянулся к трубке. Ответили ему практически сразу:

– Полковник Гуров слушает.

– Лева, привет, – начал Орлов.

– Виделись, – коротко ответил Гуров.

– Ну почему лишний раз не поздороваться с хорошим человеком? – неторопливо проговорил Орлов. – Чего ты сразу ершишься?

– Да и в мыслях не было! – произнес Гуров. – А вот что ты с утра такой подозрительно ласковый да вежливый?

– Я всегда такой, Лева! – миролюбиво проговорил Орлов. – Ты же знаешь, я мягкий, добрый пожилой человек, который крайне лоялен к своим сотрудникам.

– Ох, пой, пташечка! – с иронией произнес Гуров. – Так и скажи, что решил-таки отправить меня в Красноярск на стажировку, учить тамошних оболтусов оперативной работе! Так вот – даже не думай! Найдутся и помоложе меня, а с меня уже достаточно стажировок!

– Напрасно ты так плохо обо мне думаешь, Лева! – с укоризной сказал Орлов. – Это небось Крячко на тебя так плохо влияет, в уши тебе дудит, какой, мол, Орлов старый гад!

– Наговариваете вы на нас! – послышался нахальный баритончик Крячко, и Орлов понял, что Гуров намеренно включил громкую связь.

– Ладно, Лева! – посерьезнел Орлов. – Шутки давай отложим на потом. Зайди-ка ко мне, кофейком тебя угошу, а заодно обсудим одно небольшое дельце...

– Меня тоже кофейком угости! – немедленно сказал Крячко.

– Ты давай своими потеряшками занимайся! – прикрикнул Орлов. – Сколько уже времени ты их ищешь, а пока ни одного не нашел!

– Так они сами находятся, Петр! – воскликнул Станислав.

– Точно! Еще бы убийцы так же сами находились, – проворчал Орлов, кладя трубку.

Он снял очки и протер глаза. Что-то уставать стали в последнее время, надо бы какие-нибудь капли купить, что ли...

Открылась дверь, и в кабинет вошел Гуров. Орлов сейчас же вызвал секретаршу и попросил принести для полковника кофе. Верочка кивнула и, не задавая лишних вопросов, отправилась выполнять поручение. Она служила у Орлова уже много лет, была хорошо знакома со всеми сотрудниками управления, а тем более с такими мастодонтами, как Гуров и Крячко. Поэтому она была прекрасно осведомлена об их привычках, вкусах и пристрастиях и ей не требовалось уточнять, какой именно крепости сделать кофе, класть ли в него сливки или сахар, и если класть, то сколько именно. Через три минуты кофе был готов. Как и всегда в исполнении Верочки, он был отменным, и Гуров, восхищенно прицокнув языком, сделал секретарше комплимент.

– Вера, когда наш Петр Николаевич отправится на пенсию, я возьму вас к себе в личные секретари! – подмигнув ей, сказал он.

Верочка улыбнулась, собираясь сказать что-то в защиту своего шефа, но Орлов вмешался сам:

– Я всегда знал, что ты метишь на мое место, – погрозил он пальцем Гурову. – Вот, Вера, какие интриги творятся за спиной начальства! Небось с Крячко уже жребий тянут, кому мое кресло достанется, кому секретарша! А ведь это мои лучшие друзья!

– Я не отдам ваше кресло, Петр Николаевич, не беспокойтесь! – проговорила Верочка, ставя на стол тарелку с печеньем.

– Она его уже себе присмотрела! – подхватил Гуров.

– Вот так всегда, – продолжил игру и Орлов. – Никому доверять нельзя! Только насчет Веры, Лев Иваныч, даже не надейся: я, как на пенсию выйду, с собой ее заберу. Будет мне дома кофе варить.

– Только ей уже оклад платить не будут, – заметил Гуров. – Генерал-лейтенанту на пенсии личный секретарь не предусмотрен.

– А я ей из своих готов платить, – великодушно произнес Орлов. – Тот миниатюрный оклад, за который трудится Вера, я могу выделить даже со своей пенсии, тоже, кстати, весьма миниатюрной. Да-а-а... Не ценят у нас лучшие кадры! – вздохнул генерал-лейтенант.

– Это точно! – согласился Гуров. – Вот мы с Крячко уже забыли, когда премии получали!

– А за что вам их получать? – сейчас же спросил Орлов. – За последнее время вы разве что-нибудь серьезное раскрыли? Крячко со своими потеряшками возится, да пока самостоятельно ни одного не нашел. Ты вообще скоро писарем заделаешься. Уже, поди, каллиграфический почерк выработал!

– Так какие дела есть, теми и занимаемся! – сказал Гуров. – Разве не вы сами, Петр Николаевич, так нас учили, что не бывает мелких дел? Поручите крупное!

– Может быть, и поручу, – кивнул Орлов, задумчиво глядя на Гурова, и со вздохом добавил: – А может быть, и нет...

– Ладно, если я больше не нужна, я пойду, – сказала Верочка, понимая, что в ее присутствии Орлов и Гуров не станут обсуждать серьезное дело. И не потому, что не доверяли ей – за годы службы секретарша Орлова успела зарекомендовать себя так, что ей можно было доверить любой секрет, – просто соблюдалась субординация.

Когда Вера вышла, Орлов неспешно спросил Гурова:

– Как, Лева, выходные провел?

– Отлично, – отрапортовал Гуров. – В воскресенье весь день просидел дома, отключив телефон на случай, если кому-то особенно неугомонному придет в голову меня домогаться.

– Я тебе не звонил! – сейчас же сказал Орлов. – Меня вообще в городе не было.

Гуров понимающе улыбнулся.

– В Хорошаево ездил?

– Да, – небрежно ответил Орлов. – Набрал кое-чего, жена уже супчик сварила. Хочешь, приходи в гости, угощу...

– Не отравленные грибы-то? – усмехнулся Гуров. – А то, может, хочешь избавиться от лучших кадров, боясь, как бы тебя не подсидели?

– Ну зачем же так сложно, – спокойно пожал плечами Орлов. – Я лучше тебе в кофе яд подмешаю. Хотя ядом вас с Крячко, пожалуй, не возьмешь. Вы им так пропитаны, что у вас на него стойкий иммунитет. Вас надо по-другому обезвреживать!

– Тебе болтать не надоело? – поморщился Гуров. – Ты же меня не для разговоров о грибах позвал?

– А почему бы не поговорить о грибах? – обиделся Орлов. – Я, Лева, с возрастом замечая, что меня все больше тянет поговорить по душам с хорошим человеком.

– Тогда позови Крячко, – посоветовал Гуров. – Это он хороший. А я плохой, злой.

– Ты, Лева, гордый, – поправил его Орлов. – Но не злой. А если ты хочешь поскорее перейти к делу, то...

Орлов снова вздохнул и в задумчивости постучал пальцем по столу.

– Черт его знает, может, и нет никакого дела, – признался он. – Но все-таки прошу тебя разобраться. Именно тебя, потому что ты умеешь замечать мелочи, на которые другой оперативник и внимания не обратит.

– Станислав тоже умеет, – вставил Гуров.

– Умеет, но другие. К тому же у тебя сильно развита интуиция, а Станислав даже не знает, что это такое и где находится.

– Наговариваете вы на человека! – с шутливым упреком сказал Лев.

– Ты что, хочешь с ним поменяться? – удивился Орлов. – Хочешь заняться розысками пропавших людей?

– Нет, просто решил вступить за товарища, – улыбнулся Гуров.

– Крячко в этом не нуждается, – засмеялся Орлов. – В общем, обращаюсь я к тебе, так что слушай.

И Орлов подробно пересказал Гурову свою поездку в лес, а также дальнейшие события, случившиеся на пруду.

– Тебя смущает, что на берегу не было его одежды? – прищурившись, спросил Гуров, когда генерал-лейтенант закончил.

– Вот видишь, ты мыслишь в том же направлении, что и я! – удовлетворенно заметил Орлов. – Значит, я не ошибся... Но смущает меня не только это.

Орлов поделился с Гуровым своими сомнениями и размышлениями, которыми мучился со вчерашнего дня. Гуров не выражал бурного восторга и желания немедленно браться за дело, но был серьезен и отнекиваться от него сразу тоже не собирался.

– Чтобы разобраться в этом, для начала нужно получить информацию, как этот человек вообще оказался там, – сказал он. – Собирался ли он именно в Хорошаево? Если да, то с кем и на чем? Словом, нужны подробности. А получить их, думаю, будет трудно. Вдова, как я понял, не слишком расположена общаться с правоохранительными органами.

– Кстати, это тоже любопытно – почему? – вставил Орлов. – Все-таки муж утонул! Неужели не хочется разобраться, что с ним случилось?

– Может быть, она уверена, что он утонул сам! – предположил Гуров. – Кстати, как тебе показалось, ее горе не было наигранным?

– Мне кажется, нет. Я уже думал над этим. Единственное, у меня создалось впечатление, что они точно знали, что ищут! То есть были готовы обнаружить там труп.

– В общем, надо разбираться, – резюмировал Гуров.

– Разберись, Лева, разберись! Только на тебя и надеюсь.

Гуров внимательно посмотрел на него.

– Слушай, Петр, но ведь никто нас не просит заниматься этими делами? Если бы я начал копать там, где явный несчастный случай, ты бы первым раскричался, что мало нам своих глухарей, так мы еще сами их откапываем на твою бедную больную голову! Разве не так?

– Во-первых, ты сам сказал – явный несчастный случай! – поднял палец Орлов. – А во-вторых...

Он помолчал, глядя на сыщика слегка виновато.

– Лева, можешь думать обо мне что угодно, но я чувствую, что там дело нечисто! – наконец сказал он. – И потом, у вас сейчас нет никакого завала в работе. Ты вообще занимаешься пустяками, которые за тебя может сделать любой сержант! Неужели тебе самому не надоела писанина, ты же всегда ее терпеть не мог?

– Вас понял, приступаю к действиями, – кивнул Гуров и добавил: – Ты сам не уверен в своей правоте, потому и начинаешь меня убеждать!

– Не уверен! – с грустью подтвердил Орлов. – Может быть, и в самом деле это просто нездоровая мнительность, и мои опасения вовсе не подтвердятся!

– А тебе бы как больше хотелось, чтобы подтвердились или нет?

– Ну конечно, чтобы не подтвердились! – не задумываясь ответил Орлов, но Гуров не поверил ему.

Он поднялся, чтобы уйти в свой кабинет, но Орлов окликнул его:

– Подожди, Лева. Это еще не все. Помнишь, я тебе сказал, что это третий случай утопления в пруду за последнее время?

– Ты хочешь, чтобы я поднял остальные два происшествия? – Гуров в упор поглядел на него.

– Хотя бы просто просмотрел, – примирительно предложил Орлов. – И сравнил. Думаю, тебе это только поможет. При любом раскладе.

– Ну хорошо, – не стал спорить полковник. – И в самом деле, все лучше, чем бумагу пачкать! Ладно, как все просмотрю, оценю, тогда и доложу.

И он вышел из кабинета под напутственный взгляд своего начальника.

Глава вторая

Станислав Крячко сидел в кабинете, который они делили на двоих с Гуровым, за своим столом и с хмурым видом просматривал лежавшую перед ним стопку дел. Собственно, стопка не была такой уж высокой – папочки с делами были тоненькими по причине небольшого количества материала, хранившегося внутри. И вот с этим скудным материалом Крячко приходилось работать!

Станислав запустил руку в свою шевелюру, взъерошил волосы и еще больше нахмурился. Он действительно корпел над этими делами уже больше недели, а результат по-прежнему был нулевым. А откуда было ему взяться, если материалов кот наплакал?

В отсутствие серьезных преступлений – и слава богу, с одной стороны! – Орлов поручил Крячко заняться работой над заявлениями о пропавших без вести людях. Поначалу Станислав был даже рад – все ж таки лучше, чем на пару с Гуровым строчить длинные, скучные отчеты. А если учесть, что с орфографией и стилистикой у Станислава всегда были напряженные отношения, то и вовсе неудивительно, что он охотно променял это занятие на поиски «потеряшек», как ласково называли опера исчезнувших людей.

Однако чем больше Станислав разбирался с этими заявлениями, тем сильнее убеждался, что работенка ему досталась нелегкая. Дела были разными, исчезнувшие люди тоже. Во всяком случае, по роду занятий и возрасту. Не были они и знакомы между собой. Так что объединить эти исчезновения в связанную цепочку не получалось.

«А жаль, – думал Крячко. – С сетью проще работать. А тут – сплошные разрозненные случаи!»

Но во всех этих разрозненных случаях имелись свои странности. Начать с того, что два заявления были в спешном порядке отозваны. То есть просто пришли жены пропавших и, не глядя на Крячко, заявили, что хотят забрать заявления. Пришли, конечно, поврозь, но вели себя примерно одинаково. Обе смотрели в пол, отводили глаза и толком не могли объяснить причины такого поведения. Если с первой дамочкой Крячко не тратил много времени – не хотите, как хотите, дело, как говорится, житейское, – то со второй он уже насторожился.

– А что, ваш муж нашелся? – задал он первый вопрос.

Дамочка принялась юлить и крутить носом, забормотала что-то насчет того, что она погорячилась, и все такое... Крячко пришлось повторить вопрос, и тогда дамочка призналась, что нет, муж не нашелся, но обязательно вернется, теперь она в этом не сомневается, что все это дела семейные и полиции совершенно необязательно в них вмешиваться. Крячко припугнул ее даже тем, что обязательно проверит, вернулся ли муж, но та стояла на своем. Пришлось заявление отдать.

«Ну и черт с вами!» – подумал Станислав, раздраженно возвращая третье заявление, поданное спустя неделю после первых двух.

Он вспоминал, в каком настроении приходили жены пропавших в первый раз. Они чуть ли не бились в истерике и не целовали Крячко руки, умоляя разыскать мужей. Уверяли, что никаких посторонних женщин у них нет и быть не может, что они ни за что не поехали бы ни к друзьям, ни по делам на столь длительный срок, не предупредив их. А сотовые телефоны каждого были отключены. И Крячко честно выполнял порученную работу, разбирался с каждым случаем, беседовал с друзьями, соседями, обивал пороги фирм и компаний, в которых эти люди работали...

А потом эти же самые жены приходят и заявляют, что им ничего не нужно! Где, спрашивается, логика? Впрочем, там, где женщины, логику искать бесполезно, в этом Крячко был глубоко убежден. И все же его настораживало такое поведение. К тому же начала наблюдаться некая тенденция...

Крячко сдержал свое обещание: он лично наведлся через пару дней к женщинам, забравшим заявления, и убедился, что мужья их находятся дома, в полном здравии и благополучии. Все беглые благоверные твердили, что просто у них были «дела конфиденциального характера», о которых они не могли сообщить никому, даже родным женам. Что теперь все будет хорошо, что они крайне благодарны Крячко за заботу, но просят впредь их не беспокоить. Двое даже пытались сунуть Крячко энную сумму за причиненные хлопоты, однако Станислав настолько обозлился, что просто послал обоих подальше, о чем потом втайне сожалел. На эти деньги можно было приобрести, скажем, кондиционер в кабинет, а то жара уже не за горами, а они мучаются который год. Или просто прогулять с Гуровым в каком-нибудь кабаке – по крайней мере, не так обидно.

Однако оставались дела, заявления по которым так и не были отозваны. И Станислав, сцепив зубы, продолжал их штудировать. Дел оставалось три. Крячко посмотрел на даты. Первое заявление датировалось концом апреля. Собственно, это было не первое заявление, а четвертое. Первые три благополучно забрали, и официально Крячко уже не занимался этими делами. Хотя, признаться, не забыл о них.

Итак, конец апреля... Человек поехал на деловую встречу, благополучно встретился с партнерами, после чего поехал домой на своем автомобиле и исчез. Ни его, ни машины. Как растворились в воздухе.

Крячко атаковал службу ДПС, наказав строго-настроено обыскать все дворы и закоулки, а также тщательно проверять все машины нужной модели – не перебиты ли случайно номера? Объем работ был, конечно, немалым, если не сказать, почти нереальным. Ведь машина была не какой-нибудь раритетной штучкой, а стандартным «Ниссаном», но Крячко, сам нервный и издерганный отсутствием результата, постоянно доставал дэпээсников, связываясь с ними несколько раз в день и дотошно расспрашивая, не появилось ли хоть какого-то намека в деле. Дэпээсники, как он подозревал, за глаза кляли Крячко на чем свет стоит, но его это мало волновало.

Следующий случай больше всего беспокоил Крячко. Может быть, потому, что именно его ему приходилось перечитывать чаще других. А все из-за того, что жена исчезнувшего постоянно напоминала Крячко о себе. Звонила она полковнику ежедневно, причем не по одному разу. Неизвестно, каким образом, но ей удалось раздобыть номер его домашнего телефона, и она атаковала Станислава даже после рабочего дня, что сильно раздражало его супругу. Если та и могла стерпеть внеурочные звонки от начальства или от Гурова, которого знала много лет, то уж с настойчивыми просьбами незнакомой женщины позвать к телефону ее мужа мириться никак не желала.

Сам же Крячко, как ни странно, не реагировал на эти атаки столь бурно и негативно, хотя обычно терпеть не мог, когда ему надоедали. Он симпатизировал этой молодой женщине по имени Олеся. Но симпатии эти были совсем не такого характера, как подозревала его ревнивая супруга. Девушке было лет двадцать семь, и он смотрел на нее скорее по-отечески. На вид она была хрупкая, мягкая, очень женственная, и поначалу сложно было представить, что она может проявить невероятную твердость в том, чтобы найти ее мужа.

Напористость Олеси, ее уверенность в муже вызывали у Крячко невольное уважение. Ее брак длился четыре года, муж был музыкантом, довольно известным оперным певцом, и был на десять лет старше жены. Звали его Аркадий Заволокин.

Крячко видел его фотографии – очень типичная внешность: черные кудри по плечам, синие глаза, глядящие уверенно, даже чересчур. На взгляд Крячко, слишком смазлив, но у женщин свои вкусы. Исчез внезапно, без каких-либо предпосылок. Просто поехал куда-то после утренней репетиции в театре – и все. Как в воду канул.

Поначалу Крячко решил, что муженек просто загулял. Рассуждал Станислав так: артист, к тому же с такой рожей, наверняка пользуется огромным успехом среди театральных прим.

Да и не только. Сколько поклонниц, тайных и явных, желали бы заполучить такой экземпляр! Вот и завис у какой-нибудь из них, а домой возвращаться не торопится, потому что... Да мало ли почему! Во-первых, потерял голову. Может, ему там настолько хорошо, что в надоевший дом и не тянет? Во-вторых, может быть, просто пока не придумал убедительного оправдания для жены. Вот сочинит удобоваримую сказочку про внезапно выпавшие гастроли, на которые стремительно сорвался, тогда можно и к жене. А что в театр не сообщил – так зачем афишировать левые заказы? Да мало ли что можно наплести любящей супруге, которая от счастья, что муж вернулся, готова будет поверить во что угодно!

Такой опытный ловелас, привыкший купаться в женском обожании, наверняка тяготился одними лишь брачными узами. А Олеся хоть и милая девушка, но для такого, пожалуй, немного пресновата, что греха таить! Уж, наверное, Заволокин привык к ярким красоткам, по сравнению с которыми миловидная Олеся просто меркнет. А что твердит о взаимной любви и верности с супругом, так это понятно. Кому же не хочется верить в сказку? А потом, может быть, чтит мужнину репутацию, не хочет выносить на свет грязное белье, выворачивать всю подноготную перед полковником Крячко, посторонним, в сущности, человеком. Что ж, очень мудрая позиция!

Словом, Крячко был уверен, что блудный муженек Олеси скоро вернется. Да наверняка это не первый его подобный загул!

Оказалось, что первый... Более того, Крячко, лично съездивший в театр и пообщавшийся с актерской братией, вынужден был признать, что здорово ошибался как насчет самого Заволокина, так и его отношений с женой. Все артисты и, что куда важнее, артистки в один голос твердили, что Заволокин – человек сдержанный, закрытый и домашний. Свою жену обожал, старался брать с собой на все гастроли, с концертных выступлений в театре они уезжали вместе – жена в зале присутствовала всегда. Что он не заводил никаких романов – ни с поклонницами, ни тем более с коллегами по театру, откровенных заигрываний не замечал, со всеми был подчеркнуто вежлив, но держал дистанцию.

«Словом, кремень нравственности, а не человек!» – сделал про себя вывод Крячко.

Собственно, он и сам отмечал некую неуловимую неординарность Олеси. Она не блистала яркой внешностью и острым языком, но за ней чувствовалась какая-то большая внутренняя сила и обаяние. Это сложно было выразить словами, однако Крячко ощущал это постоянно при общении с нею. Именно поэтому он не отчитывал ее за постоянные названивания и расспросы, как продвигается дело, и даже инструкции, которые она старалась ему давать. Наоборот, Крячко старался ее утешить и уверить, что все будет в порядке.

Однако шли дни, а Аркадий Заволокин так и не появлялся. Крячко проверил все возможные версии, но ни одна из них не подтвердилась. И вот сегодня был уже ровно месяц с тех пор, как он впервые увидел Олесю Заволокину, принесшую заявление об исчезновении своего супруга. А сказать ей что-то обнадеживающее Станислав по сей день не мог...

* * *

Открылась дверь, и на пороге появился Гуров – молчаливый, сосредоточенный и серьезный. Он сразу же прошел за свой стол и стал просматривать какие-то бумаги. Крячко, опухшему от постоянного перечитывания одних и тех же материалов, очень хотелось отвлечься и спросить, чем так увлекся Лев. И если дело интересное, то быстренько сбегать к Орлову и спросить – не светит ли и ему получить что-нибудь более живенькое, чем рутинная работа с пропавшими людьми, на которую он уже смотреть не мог.

Крячко покосился на Гурова. Тот методично перелистывал один лист за другим, не реагируя на то, что происходит вокруг, весь погружившись в собственные мысли. Станислав невольно позавидовал другу. Он прекрасно знал, как умеет Лев концентрироваться на работе, независимо от того, скучна она или нет. Вслух же Крячко никогда не выказывал своей зависти,

напротив, частенько высмеивал это гуровское качество, трактуя его как занудство, а самого друга называя бездушным роботом.

Вот и сейчас он переборол свое желание пойти на поклон к Орлову и продолжал тупо читать дела о пропавших без вести, хотя знал их все уже практически наизусть.

Гуров тем временем прочел все, что хотел, потянулся к телефону, набрал номер и произнес в трубку:

– Судмедэкспертиза? Мне нужны результаты вскрытия по трем делам... Сейчас продиктую...

Крячко подавил зевок. Нет, ничего нового он здесь не узнает. И для Гурова у Орлова не нашлось ничего интересного. Станислав был бы рад, если бы генерал-лейтенант послал их куда-нибудь на задержание по поводу перестрелки или хотя бы драки, а тут – такая же писанина, как и у него. Скучно.

Крячко не стал дожидаться чудес, поднялся из-за стола и решил пройти в местный буфет перекусить, справедливо рассудив, что на сытый желудок работается куда веселее. Гуров даже не поднял головы, когда Крячко выходил из кабинета, и Станислав мстительно решил не покупать на его долю ни гамбургеров, ни кофе.

* * *

Перед полковником Гуровым лежали результаты вскрытия трех тел, выловленных в Хорошаеве. Он уже успел ознакомиться с личностями погибших, но пока что не заострял на них внимание. Его сейчас волновали иные факты...

Как сообщали эксперты, причиной смерти всех троих явилось утопление, и это не подлежало сомнению: у каждого в легких была обнаружена прудовая вода. Объединяло эти трупы еще и то, что все мужчины были в одних трусах. Причем одежда двоих была найдена там же, на берегу, – просто лежала на песке или в кустах. За исключением третьего, Варгузова Анатолия Николаевича, врача-кардиолога, чье обнаружение произошло на глазах генерал-лейтенанта Орлова.

И еще – в воде, находившейся в легких погибших, содержалось некое вещество, которое вроде бы не должно там присутствовать. Собственно, вещество это было вполне знакомо Гурову – речь шла об обыкновенном серебре. И вот этот факт занимал сейчас Гурова больше всего.

Полковник включил компьютер, вошел в Интернет и стал открывать сайты один за другим, пытаясь найти ответ на интересующий его вопрос. Отчаявшись добиться от мировой Сети нужного результата, Гуров направился в экспертную службу.

– Это не к нам, Лев Иванович! – сразу же переадресовал его пожилой судмедэксперт. – Мы врачи, а это вопрос, скорее, к химикам. Или даже экологам. Я бы посоветовал вам съездить в экологическую лабораторию, вот там должны точно знать.

Поблагодарив, Гуров направился в лабораторию. Рассудив, что в такое время суток быстрее будет добраться своим ходом, он не стал брать автомобиль, решив немного пройтись пешком, а потом сесть на метро. Погода располагала к прогулкам: июнь разошелся вовсю, раскинулся, расцвел во всей красе, словно нахально вытеснив остатки мая, не дав ему догулять положенное. Однако обижаться на него за такую нескромность никто и не думал. Люди были одеты совсем легко, и казалось неправдоподобным, что еще три недели назад все ходили в пальто, а особо мерзлячие надевали еще и головные уборы.

К удивлению Гурова, лаборатория занимала довольно большое помещение – ни дать ни взять целый факультет какого-нибудь института. В коридорах лаборатории было просторно и пусто. Гуров последовательно попытался заглянуть в несколько комнат, но все они оказались закрытыми. Лишь на втором этаже была открыта одна дверь в самом конце коридора. Заглянув туда, Гуров увидел уже немолодого человека, сидевшего за столом, на котором стоял какой-

то лабораторный прибор. Человек сосредоточенно что-то рассматривал и записывал в толстый журнал.

– Прошу прощения, – кашлянул сыщик. – Полковник Гуров, МВД. У меня к вам небольшой вопрос.

Человек внимательно посмотрел на полковника из-под очков, удивленно усмехнулся:

– Чем может быть интересна наша лаборатория столь доблестному ведомству?

– А почему нет? – улыбнулся в ответ Гуров. – Что же вы так принижаете значение своего заведения?

– Не я, не я! – затряс головой мужчина. – Администрация. Видите, сколько комнат пустует? Это пока. А так вообще нас грозят расформировать. Оставить пару комнат – и достаточно. А остальное помещение отдать под коммерческую основу. Сейчас всех интересует только прибыль, а какая прибыль от нас? Так что...

Он не договорил, только досадливо махнул рукой.

– Ну, не все так печально, – попытался внести немного позитива Гуров. – Вот, например, сейчас вы можете оказать мне огромную помощь. И пусть она не может быть названа прибылью в привычном смысле, но, поверьте, роль в раскрытии преступления может сыграть немалую.

Человек, казалось, был удивлен.

– Что вы говорите? – он посмотрел на Гурова с любопытством. – Что ж, буду рад помочь, если, конечно, смогу.

– Может быть, вы представитесь? – попросил Гуров.

– Это пожалуйста. Лев Борисович Камышинский, доцент кафедры экологии, – произнес мужчина.

– О, так мы с вами еще и тезки, – улыбнулся Гуров. – Это совсем хороший знак. А вопрос мой очень прост. Вам известен поселок Хорошаево?

– Конечно! – сейчас же ответил Камышинский.

– В нем есть несколько прудов... – продолжал Гуров, по кивку Камышинского поняв, что тому известно, о чем он говорит. – Я хочу знать, во-первых, одинаковая ли по составу вода во всех этих прудах? Во-вторых, содержится ли в ней серебро? И если нет, то в каких окрестных водоемах содержится?

– Что ж, на первый вопрос могу ответить не задумываясь, – сказал Камышинский. – Вода одинаковая. Собственно, раньше это был один пруд. Потом постепенно они стали пересыхать, уменьшаться в размерах, разделились, и сейчас мы имеем то, что имеем. Принципиальной разницы нет. Что касается серебра, то оно там не присутствует.

– Это абсолютно? – уточнил Гуров.

– Ну, если только кто-то специально не добавил его туда! – развел руками доцент. – Но в этом случае его должно быть очень много, чтобы обнаружить примеси в воде. Для достоверности вам следовало бы принести мне пробы воды. Тогда бы я точно мог вам сказать, присутствуют в них ионы серебра или нет.

– Да вот как-то по-быстрому съездить в Хорошаево я не удосужился... – пробормотал Гуров. – Посему будем считать, что на первые два вопроса вы мне ответили. Остается последний.

– Да! Тут столь однозначно ответить сложно, – задумчиво проговорил Камышинский. – Серебро само по себе вообще-то в прудах не содержится, как и в других водоемах. Во всяком случае, в таком количестве, чтобы на него обращать внимание. Обычно подобным веществом обеззараживают питьевую воду. Его, к примеру, используют на космических станциях. Там пьют исключительно ионизированную воду.

– А кроме космических станций?

– Ну... – эколог задумчиво погладил подбородок. – Им могут обеззараживать воду в бассейнах.

– В бассейнах? – поднял брови Гуров.

– Ну да. Но и не только. Могут применять где-нибудь в озере, которое находится на частной территории – вполне! Это в том случае, если хозяева стремятся обеспечить полную безопасность. И даже не обязательно частники. Могут использовать в каких-нибудь пансионатах, местах, специально оборудованных для отдыха. Но чтобы его добавляли повсеместно – такого нет.

– А конкретно вы можете назвать какие-то места, где употребляется серебро?

– Конечно, нет! – с легким недоумением ответил Камышинский. – Мне никто специально не станет об этом докладывать! С какой стати? Это же не запрещенное вещество!

– Тогда почему бы его не использовать повсюду, во всех общественных водоемах? Для полной гарантии того, что люди не заразятся какой-нибудь дрянью? – задал Гуров резонный, как ему казалось, вопрос.

Камышинский же лишь пожал плечами:

– Во-первых, если какая-нибудь, как вы выражаетесь, «дрянь» и будет где-нибудь обнаружена, то водоем вообще должен быть закрыт для принятия соответствующих мер. И тогда уже одним серебром не обойтись. Во-вторых, оно не такое уж сильное, чтобы победить, скажем, синегнойную палочку или подобные инфекции, и годится для воды, которая уже прошла предварительную обработку.

– А если в качестве профилактики? Как дополнительное средство, так сказать?

– Ну, оно не такое уж дешевое, – покачал головой Камышинский и улыбнулся. – Разбрасывать его направо и налево довольно накладно. Государство вряд ли пойдет на это, да и зачем?

– То есть, как сказал бы мой друг Станислав, его применение – это чистое буржуйство? – усмехнулся Гуров.

– Можно сказать и так, – улыбнулся Камышинский. – Вообще, использование серебра – процесс неоднозначный. Насыщение воды ионами серебра необходимо строго дозировать – избыток ионов представляет опасность, ведь в больших дозах серебро токсично. опыты даже показали, что при введении высоких концентраций ионов серебра у животных понижается иммунитет, происходят резкие изменения в сосудистых системах головного и спинного мозга. А у людей, отравившихся препаратами серебра, наблюдались психические расстройства, что связано с повреждениями нервных тканей спинного и головного мозга.

– Надо же! – воскликнул Гуров. – Никогда бы не подумал!

– Как говорил Сократ, все в мире яд, вопрос лишь в дозе! – поднял палец Камышинский. – Но если соблюдать меру, никакого вреда серебро не принесет.

– И что же, это необратимые процессы? – полюбопытствовал Гуров. – Человек, отравившийся серебром, уже никогда не придет в себя?

– Слава богу, нет! – развеял его сомнения Камышинский. – Уже через одну-две недели почти все серебро выводится из человеческого организма, его концентрация составляет не более десятой доли от первоначально введенного. Что же касается конкретных водоемов... Ищите, может быть, вам и повезет. А почему, если не секрет, вас так это интересует?

– Я еще сам до конца не знаю, – проговорил полковник, поднимаясь. – Всего доброго.

И, поблагодарив доцента, направился к выходу из лаборатории.

* * *

Вернувшись в управление, Гуров решил сам пройти к Орлову и рассказать о том, что успел выяснить. Орлов частенько грешил тем, что вызывал своих подопечных для подробного отчета, даже когда никакой особой спешки в делах не отмечалось. Правда, сейчас был не совсем такой случай: подобное поведение Орлова объяснялось тем, что на него давило начальство сверху, требуя отчетности и скорейшего завершения любых дел. Сейчас же, по сути, уголовного дела как такового еще не было. Гуров занимался утюпленниками по личной просьбе Орлова и был уверен, что генерал-лейтенант ни с кем, кроме него, вообще не делился своими

подозрениями. Но Гуров понимал, что сам Орлов озабочен этими происшествиями, и решил не вынуждать своего шефа томиться в неведении.

Орлов даже удивился, когда увидел Гурова на пороге своего кабинета, ведь расстались они совсем недавно. У него даже мелькнула мысль, что Гуров, полистав материалы, пришел к однозначному выводу, что у Орлова развивается паранойя и он видит преступление там, где его и в помине нет.

«Сейчас начнет язвить, еще и в старческом маразме меня упрекать!» – с досадой подумал Петр Николаевич, но принял своего сыщика доброжелательно. Гуров сел на свой любимый жесткий стул, вытянул длинные ноги и сказал:

– Что ж, Петр, боюсь, что интуиция тебя не подвела... Правда, далекоидущие выводы пока делать рано, но разобраться с этими утопленниками нужно посерьезнее.

И Гуров рассказал о своем посещении экологической лаборатории, упомянув о найденных в легких утонувших ионах серебра. Орлов нахмурил брови и слушал чрезвычайно внимательно. Обнаружение серебра весьма его заинтересовало.

– Но ведь тогда получается, Лева, что они утонули в другом месте? А потом их просто сбросили в этот пруд? – высказал он свою мысль.

– Утонули или их утопили, – уточнил Гуров. – А вот с какой целью... Я прочитал сведения о личностях погибших, на первый взгляд их ничего не связывает.

Гуров и в самом деле ознакомился с материалами, в которых были записаны личные данные утонувших, еще до того, как поехал в лабораторию.

Первым в списке значился некий Борис Вельчинский, молодой парень двадцати семи лет, архитектор по профессии. Данные о нем были скудными, поскольку дело после предварительной проверки, занявшей один день, автоматически было закрыто за отсутствием состава преступления.

Следующим шел Семен Абрамов, руководитель конторы по оценке недвижимости, о котором сведений также было негусто.

Третий – тот самый Анатолий Варгузов, чья смерть и положила начало любопытству Орлова. О нем Гуров больше узнал от самого генерал-лейтенанта, чем из представленных материалов. Но и сам Орлов мало чем располагал, только пустяковыми фактами, мельком услышанными им на берегу из беседы вдовы с участковым.

Гуров, выложив все, чем владел на данный момент, замолчал и выжидающе посмотрел на Орлова, предоставляя теперь тому право высказаться. Орлов поспешил, поправил очки, на всякий случай сам перечитал отскерокопированный листок, затем сказал:

– Действительно, никакой связи. Полагаю, они даже не были знакомы, хотя это нужно выяснить. Видимо, придется поработать с каждым случаем в отдельности.

– Тогда рухнет твоя версия о том, что все эти трупы – закономерность, – заметил Гуров.

– У меня, Лева, толком и не было никакой версии, – напомнил Орлов. – Мне просто захотелось разобраться, сами люди тонут или им кто-то помогает. Ты практически установил, что утонуть сами они не могли.

– По крайней мере, в том пруду! – подчеркнул Гуров. – Что вовсе не означает, что они не могли этого сделать в каком-то другом. А вот почему оказались в Хорошаеве... Тут тоже могут быть варианты. И не факт, что их всех утопили намеренно. Выяснить бы еще, где находится тот самый искомый водоем, в котором содержатся ионы серебра, – задумчиво протянул Гуров. – Неизвестно даже, пруд ли это вообще.

– Вот и выясни! – подхватил Орлов. – И вообще, где это видано: при расследовании руководствоваться только одной версией? Так может поступать только молодой, неопытный оперативник либо человек недалекновидный, ограниченный, с узким кругом мышления! Чего никак нельзя сказать о тебе, Лева! На одной версии ни в коем случае нельзя замыкаться, иначе есть

опасность впасть в стереотипы, обвинить невиновного человека и пройти мимо настоящего преступника. Точнее, мимо деталей, которые помогли бы этого преступника изобличить!

Орлов впал в долгие теоретические разглагольствования, поскольку убедился, что теперь, после появившейся в деле зацепки, у него уже куда больше оснований требовать от Гурова продолжения работы по этим делам. Понимал он также, что полковник и сам не бросит эту работу. По крайней мере, пока не убедится, что в ней и впрямь нет никакого криминала.

– К чему такая длинная преамбула, Петр? – усмехнулся уголком рта Гуров.

Орлов запнулся на полуслове, но не смутился и ответил:

– К тому, что нужно применять комбинированный подход! То есть расследовать как все дела в совокупности, как серию, так и заниматься каждым в отдельности. Кстати, то, что эти люди не были знакомы между собой, никоим образом не отменяет версии о том, что это серийное преступление. Хотя причина смерти у каждого может быть своя. Единственное связующее звено, которое лично мне пока удалось выделить, – это то, что люди все приличные и небедные. Не олигархи, но и не голытьба. Кстати, что там у них по части алкоголя в крови?

– У всех чисто, – ответил Гуров.

– Во-от! – торжествуя поднял палец Орлов. – Что и требовалось доказать! Кто обычно тонет у нас летом, Лева? Пьяные или полупьяные компании. Ну, бывают и одиночки, конечно, но в девяноста девяти процентах случаев находящиеся под градусом! А тут все чисто.

– Я заметил еще вот что, – добавил от себя Гуров. – Среди них совсем нет молодых, то есть совсем молодых, даже юных. Это я в твою копилку о статистике утонувших без посторонней помощи. В основном же тонет молодежь, от шестнадцати до двадцати трех. А тут – люди среднего возраста и старше. Самому молодому, архитектору Борису Вельчинскому, двадцать семь.

– Вот видишь, видишь! – кивал Орлов. – У тебя уже более чем достаточно материала для работы! И собственные соображения появились! И вообще было бы странно, чтобы ты да не заметил столь тонких нюансов!

– Петр, я не твое начальство, чтобы ко мне подлизываться, – улыбнулся Гуров. – Так что можешь расслабиться. Делать мне и впрямь пока нечего, так что добыю-ка я этих утопленников до конца. Фигурально выражаясь, конечно.

– Да я понял, – усмехнулся Орлов. – Ты хоть и циник, но не настолько!

– Что выросло, то выросло, – с притворным сожалением развел руками полковник.

– Ты знаешь, что на меня всегда можешь рассчитывать, – напутствовал его Орлов, намекая тем самым на завершение разговора. – Поддержку получишь всегда. Кстати, тебе Крячко не нужен?

– Нет, пока без него обойдусь. Он сейчас не в настроении, постоянно ворчит и проклинает тебя за подкинутую работенку. Теперь к нему отсылают абсолютно всех, кто обращается с заявлениями о пропажах! Дежурные сержанты уже вовсю над ним прикалываются кто во что горазд! В пятницу даже тетку прислали, у которой кот пропал, так Станислав так бесился, что за окном было слышно!

Орлов расхохотался во весь голос, Гуров также не удержался. Уж очень комично выглядел багрово-красный Крячко, который сначала в течение пятнадцати минут терпеливо выслушивал, какой «он был добрый и ласковый, единственное родное существо на всем белом свете». Потом старательно записывал сведения об исчезнувшем – когда пропал, где и при каких обстоятельствах. С особым рвением он продолжил работу, когда услышал, что «ему всего десять лет», и на лице его были написаны самые искренние сочувствие и жалость. Выражение лица его сменилось на негодующее и налилось краской после того, как ему стало ясно, что женщина столько времени распиналась о любимом британце, а детей и внуков у нее и в помине нет.

Крячко, выпучив глаза и сдерживаясь изо всех сил, выпалил, что такие вопросы не по части Главного управления внутренних дел, и уж тем более ими не станет заниматься он, опер-важняк. Тетка не поняла значения слова «важняк» и сочла, что Крячко просто слишком много о себе воображает. Она обиделась и пообещала подать жалобу на Станислава вышестоящему начальству. Выпроводив ее, Крячко в ярости скомкал исписанный его корявым почерком лист и швырнул его в раскрытое окошко. Лист опустился прямехонько на голову входившего в управление начальника службы ГИБДД генерала Лаврова, приехавшего в главк для совещания с Орловым, и Крячко едва успел присесть и спрятаться за подоконник, чтобы генерал не заметил его круглую голову.

Однако Лавров не побрезговал прихватить листок с собой и попытался по почерку выяснить, кому принадлежит данное художество, дабы сделать внушение на тему того, что подобное поведение порочит офицерский мундир. И Крячко старался прятаться где-нибудь подальше от генеральских глаз, дабы тот вдруг не задался мыслью попросить его что-нибудь написать для образца.

Отсмеявшись от души, Орлов покачал головой и произнес:

– Ладно, скажи ему, что я возьму этот вопрос на себя. А то еще решит с испугу на больничный уйти, когда у него ни одно дело не раскрыто!

– Ты что, думаешь, он генерала боится? – фыркнул Гуров. – Он скрывается от новых посетителей, боясь, что ему под шумок всучат заявления о пропаже всяких попугайчиков, хомячков и прочих домашних любимцев! Хотя вообще-то они обычно не пропадают, поскольку сидят в клетках.

– Ладно, пошутили, и хватит, – принял серьезный вид Орлов. – Давай отправляйся уже хоть куда-нибудь. Адреса и места работ погибших тебе известны?

– Очень поверхностно, – ответил Гуров.

– Ну так узнай досконально и поезжай. А я буду молиться, чтобы в Хорошаеве не выловили еще одного утопленника.

– Ты у нас прямо новатор! – восхитился Гуров.

– Почему это? – не понял Орлов.

– Потому что ввел новую методику работы для руководителя главка! Оказывается, лучший способ руководить главком – это молитва!

– Ладно, иди уже! – недовольно прикрикнул Орлов. – Будешь еще к словам придирааться!

– Советую тебе пообщаться с каким-нибудь архиепископом, – от двери проговорил Гуров. – Может, пристроит тебя в какую-нибудь церквушку пономарем. На четверть ставки.

Орлов запустил в Гурова лежавшей на столе пустой сигаретной пачкой, тот ловко увернулся, и она впечаталась прямо в захлопнувшуюся дверь. Насвистывая, Гуров направился в свой кабинет.

Собственно, в кабинете он провел совсем немного времени, лишь выяснив точные адреса людей, утонувших в пруду Хорошаева. Начать же проверку он решил с конца, то есть с последнего погибшего, которым был Анатолий Варгузов. Не став делать никаких предварительных звонков, Гуров напрямик направился по его адресу.

Варгузов проживал практически в центре, в восемнадцатипятиэтажном доме на улице Столетова. Когда Гуров подъехал туда и позвонил в домофон, ответом ему была тишина. Сыщик уже было упрекнул себя за то, что отказался от звонка и зря потратил время, как к подъезду подъехал черный джип «Тойота». Из него вышла бледная женщина в траурном платье с высоким воротом, вслед за ней показался мужчина чуть помоложе.

– Ты можешь ехать, Виктор, – негромко произнесла женщина.

– Ты уверена, что сможешь остаться одна? – спросил тот, внимательно глядя на нее серыми глазами.

– Думаю, да. К тому же... Мне теперь нужно привыкать быть одной, – тихо сказала женщина, опустив глаза.

Лицо мужчины выражало сомнения. Вглядываясь в говоривших, Гуров отметил, что мужчина и женщина похожи между собой. У мужчины были такие же рыжеватые волосы, только у женщины они были еще и подкрашены, такие же серые глаза, да и общие черты сходны. Гуров подумал, что они, наверное, близкие родственники, скорее всего брат и сестра. Он моментально вспомнил рассказ о нахождении трупа Варгузова в пруду, переданный ему Орловым, и подумал, что многие детали совпадают: та же машина, женщина, похожая по описанию, к тому же в траурной одежде. Вспомнил он и имя-отчество Варгузовой – Елена Алексеевна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.